

Они стояли в напряжении, не сдаваясь. Сяо Шанли повернулся к перилам, глядя на озеро и беседку среди камней. Лоб его болел, и он стиснул губы, издавая стон. Внезапно, как ветер, уносящий облака, он почувствовал лёгкость, когда руки обняли его и уложили на кровать. Лэ Юй, с тяжестью в груди, поцеловал его макушку:

— Наши сердца уже решили, и говорить больше не о чём.

Легким движением он коснулся шеи Сяо Шанли, и красавец с красным шрамом на лбу погрузился в глубокий сон.

Когда он проснулся, уже наступил вечер, и закат окрасил небо. Занавески шевелились от ветра, а за ними трепетали пионы. Сяо Шанли огляделся, не понимая, был ли это сон или реальность. Он попытался встать с кровати, но заметил, что его обувь и носки были сняты, а под тонким одеялом виднелись бледные ступни. На подушке лежал аромат, и рядом стояла маленькая коробочка с мазью. Внутри деревянной коробки была медная шкатулка, на которой были выгравированы бессмертные горы, и бессмертные, играющие на флейте и летящие на журавлях. На внутренней стороне крышки были выгравированы три маленьких иероглифа: «Гель Застывшего Сияния с Острова Пэнлай».

Когда он встал, две служанки подошли, чтобы надеть ему обувь. Сяо Шанли приказал им принести зеркало. Глядя на своё отражение, он увидел, что его лицо уже не было таким, как вчера. Его глаза загорелись, и он, держа коробочку, тихо сказал:

— Ты так поступил со мной, и теперь я не могу тебя отпустить. Ты будешь моим.

Когда он снова посмотрел, его взгляд уже не был таким, как раньше, когда он искал сочувствия.

Служанка опустила перед ним на колени, и Сяо Шанли сказал:

— Кто рассказал о моей ране? Будь это мужчина или женщина, накажите их шестьюдесятью ударами палки.

Однако, если бы не утечка информации, Лэ Юй не пришёл бы проведать его, и он не смог бы проверить, что тот любит его не только за красоту. Он посмотрел на своё отражение в зеркале, на незаживший шрам на лбу:

— Если они не умрут, откройте склад и позвольте им выбрать что-нибудь. Я награжу их.

Ночь опустилась, и во дворце на высоких перилах висели серебряные фонари, создавая три световых занавеса. Несколько дворцов были освещены, как днём, а на поверхности каналов отражался яркий свет. Внезапно вода расступилась, и по ней плыл большой корабль. Звуки колоколов и гонгов раздавались в воздухе, и четыре ряда женщин в ярких одеждах и нефритовых коронах спустились с корабля, чтобы исполнить танец.

Наложница Жун, одетая в роскошные одежды, сидела рядом с императором Чу. Её глаза

выдавали усталость, но она не осмелилась попросить разрешения уйти и отдохнуть. Её губы с трудом удерживали улыбку. Рядом с ней сидел не князь Цзинчэн, а князь Шоушань, который в последние пять-шесть дней стал очень популярен. Он выглядел как нефритовая статуя, одетая в парчу. Император Чу, слегка пьяный, ударил по столу, и танцы прекратились. Он посмотрел на князя Шоушаня:

— Твой младший брат скоро отправится в область Чжэчжоу для помощи в ликвидации последствий бедствия. Как ты думаешь, как я должен наказать его, когда он вернётся?

Князь Шоушань стиснул зубы, встал и вздохнул:

— Хотя девятый брат и я не от одной матери, мы оба сыновья Вашего Величества. Он ещё молод и, вероятно, был подстрекаем другими, чтобы противостоять Вам. Я думаю, что не стоит его сильно наказывать.

Он надеялся, что благосклонность к князю Цзинчэну ещё не полностью утрачена, и не хотел показывать свою холодность перед императором Чу.

Но император Чу рассмеялся, пьяный и злой:

— Он недостойный сын, а ты передо мной защищаешь брата?

Наложница Жун дрожала, опустив лицо. Император Чу играл с чашей вина, холодно глядя на неё:

— Я не хочу слышать, чтобы кто-то просил за князя Цзинчэна. Тот, кто попросит, будет наказан так же, как он.

Князь Шоушань внутренне содрогнулся, но император Чу махнул рукой, отпуская его.

Вечером, вернувшись в свою резиденцию, он обсудил ситуацию с наставником Лу. Управляющий сообщил о письме из Чжэчжоу, спрашивая, как поступить с князем Цзинчэном, нужно ли препятствовать его действиям. Князь Шоушань задумался, а наставник Лу сжал брови. Наконец, князь Шоушань сложил письмо и сжёг его на свече, презрительно сказав:

— Не стоит создавать лишних проблем. Сяо Шанли — всего лишь неопытный мальчишка. Там, куда он едет, приказы не будут выходить за пределы его канцелярии. Что он сможет сделать?

Семнадцатого июня князь Цзинчэн покинул столицу. Не было торжественных проводов, и император Чу не пришёл лично. Он только отправил евнуха с указом. Бывший любимый сын, казалось, потерял благосклонность императора, впервые познав холодность мира. Сяо Шанли лишь поклонился, принимая указ, выпил поднесённую чашу вина и молча отправился в путь.

Корабль плыл по ветру, удаляясь всё дальше. На реке внезапно раздался голос певицы, которая нежно играла на струнах и пела песню «Трудности пути».

«Подношу тебе золотую чашу с прекрасным вином, нефритовый ларец с резной лютней...
Желаю тебе унять печаль и уменьшить тревогу, слушая мой стих о пути...»

Его лицо дрогнуло, и стража хотела подойти, но он взглянул на них, и они не осмелились сдвинуть корабль с места.

Голос певицы был мягким и высоким, словно утешая. Она пела до четвертого куплета:

— Лей воду на землю, и она потечёт в разные стороны. У каждого своя судьба, так зачем же печалиться и сидеть в тоске?

Она остановилась, затем снова повторила эти строки, и её чистый голос поднялся к облакам. Князь Цзинчэн вздохнул, а затем улыбнулся:

— Поехали.

Стража передала приказ.

Корабль двинулся вперёд, рассекая волны. Облака плыли по небу, и голос певицы становился всё тише. Она спела всю песню «Трудности пути», выпила три чаши вина и снова запела. На воде, откуда доносился голос, стоял цветочный корабль с тремя или пятью красавицами. Женщина, игравшая на лютне, опустила брови, и её глаза, полные любви, смотрели на хозяина. Хозяин прочитал строки из песни и громко рассмеялся:

— Как же хорошо: «Лучше быть парой уток в поле, чем журавлями, разлучёнными в облаках».

Другая женщина, игравшая на флейте, остановилась и с упрёком сказала:

— Хозяин сказал, что хочет кого-то проводить, но почему мы не увидели этого человека и уже возвращаемся?

Лэ Юй обнял её, погладил её лицо, нежное, как весенний цветок:

— Красавица, ты ошибаешься. Провожать не значит видеть.

Она лежала на коленях Лэ Юя, смущённо и удивлённо смотря на него. На корабле раздавался смех, и, несмотря на веселье, Лэ Юй смотрел вдаль на одинокий корабль, плывущий к горизонту.

Ночью, в кабинете, на длинном столе лежал нефритовый диск, а за ним висели четыре картины с цветами и птицами, нарисованные мастером. Вань Хайфэн, одетый в домашнюю одежду, сидел за столом и просматривал бухгалтерские книги, его серебряные брови нахмурены. Один из управляющих в богатой одежде, услышав шаги за ширмой, вышел и, увидев управляющего, тихо закашлял:

— Старый глава, есть гость, который хочет встретиться с вами лично.

Две маленькие служанки, лет тринадцати-четырнадцати, с фонарями в руках провели человека в синей одежде, с волосами, собранными под тканью. Он подошёл и поклонился до земли. При свете фонаря его кожа была белой, как снег, а глаза — чистыми, как вода. Это была явно женщина, одетая как мужчина.

Гу Хуань сказала:

— Я пришла ночью, спасибо, что согласились меня принять.

Вань Хайфэн холодно ответил:

— Что нужно супруге наследника?

В её глазах была печаль, но она спокойно сказала:

— Я предполагаю, что в Чжэчжоу больше нет запасов зерна. Я осмелилась побеспокоить вас, чтобы попросить у Гильдии морской торговли заём зерна.

Вань Хайфэн закрыл бухгалтерскую книгу:

— Сколько вы хотите?

Гу Хуань ответила:

— Сто кораблей.

Вань Хайфэн, его глаза сверкнули:

— Не знаю, вы просите по указу императора или по старой дружбе? Сто кораблей зерна... Даже если бы у Гильдии было столько, я бы не осмелился дать. И я советую вам, как женщине, не вмешиваться в такие дела.

Его слова были полны пренебрежения, но Гу Хуань ответила:

— Вы спросили, по указу или по дружбе. Князь Цзинчэн отправляется в Чжэчжоу, чтобы помочь в ликвидации последствий бедствия, и император намеренно сталкивает двух своих сыновей. Никакого указа не будет, а что касается дружбы, у меня нет права просить вас.

Она улыбнулась:

— Я всего лишь женщина, и если бы не то, что все мужчины, которые хвастаются своей храбростью, сидят сложа руки, мне бы не пришлось бегать день и ночь, чтобы помочь людям.

Эти слова заставили Вань Хайфэна задуматься. Он вздохнул, вспомнив, как Гу Хуань, тогда ещё девушка с Острова Пэнлай, была такой же мягкой, но острой. Гу Синьчи мог управлять библиотекой, но не Гильдией морской торговли. Вань Хайфэн относился к ней, как к

племяннице, и думал, что Гильдия перейдёт в её руки, и, возможно, она станет невестой.

Он внезапно почувствовал себя старым, и Гу Хуань снова поклонилась:

— Возможно, вы помните, что я училась у учителя за пределами острова, и он учил меня: «Делать то, что невозможно».

Она попрощалась:

— Вы делаете то, что невозможно, а я делаю то, что невозможно. Если это не получится, я больше не буду вас беспокоить.

Вань Хайфэн был взволнован, и, когда она дошла до двери, он сказал:

— Почему ты не спросишь главу острова?

Он имел в виду, что она не должна спрашивать, но сказал: «Почему ты не спросишь?» Они оба знали, что если Гу Хуань согласится вернуться на Остров Пэнлай, она сможет уговорить Лэ Юя. Гу Хуань замолчала, закрыла глаза:

— Я слишком много ему должна и скрывала от него кое-что. В этой жизни я, вероятно, не смогу это исправить, и уж тем более не могу обещать то, что не смогу сделать.

Вань Хайфэн услышал её тихий вздох, и её синий наряд растворился в ночи.

<http://bllate.org/book/15272/1348099>